

Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М., 1992.

Вып. 1. С. 84–108.

С.Ф.Ударцев

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ ВО ВЗГЛЯДАХ П.А.КРОПОТКИНА

На исходе XX века, когда у ряда стран планеты накоплены значительные запасы средств массового уничтожения; растёт опасность экологической катастрофы; продолжаются убийства и насилия во множестве «горячих точек» СССР и за пределами нашей страны; а с другой стороны, когда у человечества, пожалуй, впервые появляется возможность реального продвижения в сторону единения мирового сообщества, весьма актуализируется гуманистическое наследие. При этом для каждой страны особую ценность представляют идеи, концепции, органически связанные с ее историческим опытом, традициями, культурой, естественно переплетающиеся с опытом мирового развития. К числу отечественных мыслителей-гуманистов XX века, внесших вклад в поиск подходов к намечающемуся пути общечеловеческой цивилизации, может быть отнесен и Пётр Алексеевич Кропоткин.

В одном из дел фонда П.А.Кропоткина в Центральном государственном архиве Октябрьской революции сохранился конверт, на лицевой стороне которого написано: «От присяжного поверенного Онисима Борисовича Гольдовского. Москва, Староконюшенный пер., д.25» [1]. Этот документ связан с участием Кропоткина в таком памятнике гуманистической мысли начала XX в. как сборник «Против смертной казни», вышедший вторым изданием в 1907 г. под редакцией юристов М.Н.Гернета, О.Б.Гольдовского, И.Н.Сахарова (кстати, деда академика А.Д.Сахарова). В этом издании напечатана статья Кропоткина «Наказание смертной казнью». В архиве Кропоткина сохранились машинопись и рукопись этой статьи. Машинописный экземпляр отличается от опубликованного лишь несколькими незначительными редакционными поправками. В сборнике «Против смертной казни» были напечатаны также статьи, письма, рассказы писателей Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, П.Д.Боборыкина, философов В.С.Соловьева, Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, известных профессоров-юристов Н.С.Таганцева, М.Н.Гернета, В.Д.Спасовича, В.Д.Набокова, П.И.Люблинского, Г.Е.Колоколова и многих других. Историческое значение сборника заключалось прежде всего в том, что он явился решительным, обоснованным и авторитетным коллективным протестом гуманистической мысли различных направлений против смертной казни вообще и в особенности против растущей лавины смертных казней революционеров. Он был и предупреждением общества и властей, попыткой заставить их задуматься еще и еще раз о грядущей трагедии, накануне нового витка насилия и казней, достигших кульминации в 1908 г. [2]

Для Кропоткина участие в сборнике не было случайным эпизодом. В ряде произведений он так или иначе касался проблемы смертной казни, и до 1906 г., и позднее не раз высказывался по этому вопросу. Различные аспекты права человека на жизнь затрагиваются в таких работах мыслителя, как «Речи бунтовщика», «В русских и французских тюрьмах», «Нравственные начала анархизма», «Этика» и другие. Как и для Л.Н.Толстого, отрицание

смертной казни Кропоткиным выросло из всей системы его воззрений. Однако, если Толстой отрицал смертную казнь прежде всего исходя из своих религиозно-этических убеждений о непротравлении злу насилем, то Кропоткин признавал неизбежность определённых форм насилия в общественной жизни, в том числе — в войнах, в революциях, в защите общества и отдельных его членов от антиобщественных посягательств.

Рассматривая силу как основу и гарантию права (общественную силу как гарантию естественных прав), Кропоткин допускал защиту прав человека с оружием в руках. «Права человека, — писал он, — существуют лишь постольку, поскольку он готов защищать их с оружием в руках» [3]. Обращая внимание на исторический опыт народов Англии, Франции, Германии в отстаивании естественных прав, Кропоткин писал, что эти права «не у конституции следует выпрашивать», а надо «брать с боя». «Закон — не что иное, как клочок бумаги, который всегда можно разорвать, или написать заново, а потому он и не может обеспечить этих совершенно естественных прав. Только тогда, когда мы, сознавши свою силу, станем силою, способною взять эти права — только тогда сможем мы заставить их уважать» [4].

Особенность гуманизма Кропоткина в том, что это — гуманизм революционера-анархиста, ориентированный на достижение в ходе революции справедливости и равенства для всех членов общества, на защиту человека от подавления государством, а также на новые горизонты гуманизма в будущем безгосударственном коммунистическом обществе. При этом конкретно-исторические оценки Кропоткина не всегда совпадали с его идеалами.

Историческая эволюция общества, реальные события, процессы, явления вынуждали Кропоткина уточнять свою позицию, порой делать исключения из общих оценок и суждений. В то же время, оттеняя различные аспекты проблемы права на жизнь, он проводил одну общую линию — признание за самим человеком права на распоряжение жизнью и отрицание права на лишение его жизни у общества и тем более у государства.

Смертная казнь, этот «институт легального убийства», по выражению М.Н.Гернета, противоречит отстаиваемому Кропоткиным закону взаимной помощи (сотрудничество, объединение сил в борьбе с природой за выживание вида), определяющему, по его мнению, прогрессивную эволюцию живых существ, а также признанию им формирующихся и закрепляющихся в ходе тысячелетий эволюции естественных инстинктивных начал нравственного поведения [5].

По Кропоткину, человек, как и любой живой организм или растение в природе, стремится удовлетворить свои желания и избежать чего-либо неприятного. В свою очередь приятное и неприятное для человека регулируется общим законом человеческого поведения, о котором Кропоткин не раз писал в «Этике» и других работах, аналогичным «категорическому императиву» И.Канта: поступай так, чтобы линия твоего поведения могла быть и общим правилом поведения для всех членов общества. Этот принцип определяет установку на общественно полезные поступки, но могут быть и отклонения. В этом смысле, по Кропоткину, человек — «так сказать, ничто иное, как «сознательный автомат»» [6]. Он признавал, что существует объективный критерий для разграничения добра и зла (а отрицание существования добра и зла сравнивал с отрицанием существования физической красоты и безобразия, ума и глупости, приятных и неприятных запахов и т.д.). Таким

критерием он считал содействие созданию условий «для сохранения расы (имеется в виду человечество. — С.У.), которые ведут, в свою очередь, к осуществлению возможно большей суммы счастья для каждой особи» [7]. Что полезно для общества — то хорошо, что вредно — то дурно. Отмечая общность основных принципов разграничения добра и зла, Кропоткин видел подвижность, изменчивость этих представлений. «...Понятие о добре и зле, — замечал он, — меняется сообразно развитию ума и накоплению знаний. Оно — не неизменно» [8]. Ещё более условными, застывшими, зависящими от классовых и других социальных интересов, являются по Кропоткину, законы, установленные государственной властью. Кроме того, власть и законы, по Кропоткину, развращают нравственность и ожесточают людей, в частности, долгое время практикуя в истории жестокие публичные наказания [9]. Всё это, по его убеждению, не даёт права государству лишать человека жизни.

Важным основанием для отказа от смертной казни Кропоткин считал осознание глубинных причин преступлений. Он выделял космические и географические, антропологические и физиологические, а также разнообразные социальные (наиболее непосредственно действующие из всех причин) [10]. Благодаря длинной цепочке причинно-следственных связей каждого конкретного поступка человека, поскольку человек — продукт общества, в котором живёт, а его поведение — следствие приобретённых свойств, привычек, человек, в значительной мере, не несёт ответственности, не виновен в совершённом. «Корни причин насильственного акта, приведшего обвиняемого на скамью подсудимых, должно отыскивать, таким образом, в прошлом, за многие годы тому назад» [11], писал он. Если на нас ложатся лучи славы гениев нашей эпохи, считал Кропоткин, то общество не свободно и от пятен позора за деяния наших убийц [12]. Ответственность же общества и производность поведения человека от влияний на него, от условий жизни, общественного устройства, по Кропоткину, исключает справедливость применения смертной казни к преступникам. По его убеждению, большинство людей, которые содержатся в тюрьмах или приговариваются к смертной казни, нуждаются, вместо наказания, в самом бережном, братском отношении к ним» [13].

Кропоткин выступал за общую реформу всей системы наказания, исторически сложившейся к концу XIX — началу XX вв., полагая, что для этого имелись все необходимые условия уже тогда. Сравнивая отношение к преступникам с отношением к душевнобольным, он считал, что как смягчилось отношение общества к душевнобольным людям, так должно радикально измениться отношение и к преступности — социальной болезни, являющейся следствием множества общественных естественных влияний, причин. Кропоткин рассматривал систему наказаний, включающую смертную казнь, как «пережиток понятий, сложившихся в давно прошедшие времена», несущий на себе «следы *родовой мести, уплаты за причиненное зло*», «*системы устрашения*, выработанной в деспотических монархиях и теократиях востока», главным образом «с целью охранения привилегий, захваченных имущими и правящими классами. И уже в силу этого к ней нельзя относиться иначе, как с самым беспощадным отрицанием» [14]. Существующая система наказаний, по Кропоткину, не достигает своих целей устрашения, перевоспитания, изоляции преступников, поскольку оказывается фактически «университетом преступности» и возвращает в общество уже не новичков, а мастеров совершения преступлений. Смертная же казнь в этой системе наказания, — писал

Кропоткин, — как и пытки «является совершенно лишней жестокостью, которая в свою очередь служит *только* к распространению и усилению жестокости в обществе [15].

Кропоткин ссылался на подтверждаемые в целом и в настоящее время факты, показывающие, что в странах, уничтоживших у себя смертную казнь, количество преступлений, наказываемых смертью, не увеличивается, что публичные смертные казни стимулируют совершение зверских убийств [16]. Следует отметить, однако, что Кропоткин несколько абсолютизировал относительную независимость количества преступлений, наказываемых смертной казнью, от наличия или отсутствия этого института. Некоторые современные исследования все же отмечают влияние и этого фактора на уровень преступности [17].

В целом же для позиции Кропоткина характерно признание прогресса человеческого общества и укрепления нравственных основ его существования. Учёный исходил из постепенного углубления познания человеческой природы, прогресса медицины, позволяющей излечивать разнообразные болезни и нарушения в организме, в психике, деформирующие поведение человека в обществе и влияющие на «сбои» в действии общественных инстинктов. Обращал внимание он и на особенности психического состояния, сознания преступников, наличие у них определенных доминирующих надежд, иллюзий, нейтрализующих воздействие установленных законом мер наказания, на сознание, волю, поведение преступников [18]. Преступники, по Кропоткину, в том числе убийцы, — прежде всего продукт неправильного воспитания общества. Такой убийца — «скорее больной, чем преступник, и что во всяком случае его преступление падает на всё общество, а не на него самого!» [19] Имея в виду смертную казнь, Кропоткин замечал, что «только косность ума да трусость собственников удерживает этот пережиток варварских времён» [20].

Выступая за широкое использование медицинских и воспитательных мер вместо уголовного наказания, Кропоткин был против выводов Ч.Ломброзо о применении «соответствующих мер» к лицам, обладающим, по мнению итальянского исследователя, признаками потенциальных преступников. Решающую роль в формировании личности Кропоткин отводил социальным условиям. Кроме того, для него существовали и нравственные границы вмешательства развивающейся науки в природу человека. В архиве Кропоткина сохранился текст его выступления для 1-го международного конгресса евгеников в Лондоне. Учёный был против применения методов искусственного отбора для улучшения человечества [21].

Доказывая необходимость отказа от смертной казни, он отмечал, что её сохранение поддерживает прежние представления в общественном сознании об оправданности и действенности сохраняющейся системы наказания. С другой стороны, по мнению Кропоткина, существование смертной казни, право государства на лишение людей жизни, поддерживает, оправдывает идею убийства как возмездия и средства устрашения должностных лиц государства у революционеров-террористов. «И покуда смертная казнь будет существовать, — писал он, — будет существовать также и убийство со стороны угнетаемых» [22].

Мыслитель-гуманист с горечью констатировал падение ценности человеческой жизни. Гибель большого числа людей в войнах, в революциях, особенно в периоды расправы с революционным движением, ведёт к тому, «что человеческая жизнь перестаёт считаться чем-то ценным». К сожалению, эта тенденция, отмеченная Кропоткиным для начала XX в., в

войнах, революциях, репрессиях, потрясших мир в XX в., проявилась в ещё более угрожающих масштабах. Кропоткин отмечал взаимообусловленность жестокости противоборствующих социальных сил: применение насилия одной из них влечёт ответное контрнасилие. «За белым террором, — замечал он, — всегда однако следует красный террор, и последний является, таким образом, прямым порождением первого» [23].

Не поддерживая в принципе ни экспроприацию, ни индивидуальный террор, Кропоткин, однако, понимал его неизбежность и выступал в защиту революционеров. 2 апреля 1881 г. он призывал швейцарских граждан протестовать против смертных казней в России [24]. В архиве Кропоткина хранится интересное его письмо М.И.Гольдсмит без даты, но очевидно относящееся к периоду расправ в России с участниками революционного движения 1905–1907 гг. Ссылаясь на положение в России, Кропоткин предлагал не выступать с задуманными ранее резолюциями против «экспроприаций». «Когда палачи, — писал он, — каждого мальчика, схваченного на грабеже, казнят через 24 часа, — мы не можем выступать с резолюциями против грабителей. Что бы ни думали — мы не имеем права и свой камень еще бросить, в придачу к царской виселице.

...Положение действ[ительно], отчаянное. Черносотенцы принимаются дважды в неделю в Петерб. дворце, и им предоставлена *полная свобода*, ко[торо]й они пользуются, *убивать на улице*.

Естеств[енно], что в таких условиях, люди хватаются за что попало. — А так как капиталов у них нет, то и капиталы берут, где попало... Это — *carte blanche* всем мерзавцам. И они ею пользуются! В Таганской тюрьме вешают каждый день, на глазах у заключ[ённых]х... Разложение — полное.

Поэтому, выступить теперь, бросая и наш камень в казнимых — абсолютно невозможно» [25].

Однако, в понимании Кропоткиным террора в связи со взглядами на право человека жить, нельзя не отметить ещё один момент. Он касается его аргументов об оправданности террора в контексте анархических взглядов на государство, государственную власть, чиновников.

Как уже отмечалось, отправным пунктом социальной теории Кропоткина служило признание определённой эволюционно выработанной запрограммированности поведения членов общества на совершение общественно полезных поступков, содействующих процветанию свободного общества свободных людей. Одной из основных причин возможных отклонений в поведении людей, по Кропоткину, выступает существование государственной власти. Государство он рассматривал как «бесконечно-длинный ряд преступлений» [26]. В понимании Кропоткина это — преступления против общества, человечества, нравственности и т.д. Нарушение единых для членов общества социально полезных норм, принципов, по Кропоткину, будет служить нравственным оправданием применения насилия к нарушителю и в будущем обществе. На этом же основании Кропоткин оправдывал право народовольцев «на отнятие жизни» у Александра II [27]. Однако некоторое логическое противоречие между общей позицией Кропоткина и оправданием им революционного террора остается неразрешённым. У Кропоткина как бы существуют практико-политические исключения из его общих гуманистических взглядов.

И таких основных исключений два. Во-первых, связанное с внешними войнами. Он считал необходимым, по-человечески оправданным и справедливым, уничтожение завоевателей при защите отечества, особенно когда защищается отечество, в котором произошла революция, способная вывести общество на новую, более высокую ступень исторического развития. В июне 1917 г. он выступил с речью на митинге по поводу отправления на фронт первого отряда инвалидов-добровольцев (вёл митинг председатель Государственной Думы М.В.Родзянко). Приветствуя уезжающих воевать инвалидов, Кропоткин говорил об особой необходимости защищать страну «...теперь, когда свержение старого правительства и признание нашей революцией политических «прав человека» открывает перед русским народом такую широкую светлую будущность, такое строительство во всех направлениях.

Теперь, идя на фронт, вы идёте тем самым на баррикады защищать свободу, завоёванную русским народом, и мы, собравшиеся здесь во имя высших нравственных начал человечества, великих лозунгов свободы, братства и равенства, благословляем вас на ваш подвиг» [28]. Кропоткин не пацифист. Он исходил из того, что сохранение, защита жизни целого — народа, нации — первично, поскольку гибель целого автоматически влечёт за собой гибель составляющих его элементов — отдельных людей.

Второе исключение из недопустимости убийства людей друг другом теоретик анархизма делал в связи с, так сказать, внутренней войной, по его мнению, ведущейся против народа государством, являющимся, по Кропоткину, «оплотом богатых против бедных, орудием имущих — против всех неимущих». Террор революционеров он рассматривал как ответное проявление этой войны.

Такое состояние он не считал вечным, связывал его со временем существования государства. Например, войны, полагал Кропоткин, ведут к нравственному банкротству государства, ускоряют его уход с исторической сцены. «Войны и вооружения, — писал он, — добивают государства; они ускоряют их нравственную и экономическую несостоятельность. Еще две-три больших войны, и они нанесут последний удар этим уже разлагающимся механизмам» [29].

Утопическое и реалистическое, логически стройное и противоречивое во взглядах Кропоткина порой тесно переплетаются. Отчасти это объясняется и тем, что разные его суждения имеют различные пространственно-временные координаты, относятся к периоду конца XIX-начала XX вв., или к будущему, в разной степени от него удалённому. Такой характер высказываний заставляет давать оценки некоторым его суждениям с определенной степенью вероятности, исходя из исторического опыта и намечающихся тенденций развития. Прошедшее столетие подтвердило многие критические характеристики Кропоткина отношений власти и подчинения, негативных черт государственной власти. Однако этот же опыт показывает относительность, условность и все более ясно проявляющиеся объективные исторические границы каких бы то ни было исключений из права человека на жизнь.

Диалектика причинно-следственных связей в различных конкретно-исторических условиях приводит к неоднозначным результатам. Так, выступая первоначально как явление, инициированное системой объективных и субъективных факторов, как форма насильственного преодоления препятствий исторического развития, террор, на определенной степени своей эволюции, сам порождает явления, оказывающие негативное влияние на сферу

экономической, политической, социальной, духовной жизни общества, на уровень общественной нравственности, снижающие ценность человеческой жизни. Революция и контрреволюция, борьба власти и оппозиции, красный и белый террор, индивидуальный террор революционеров против представителей власти и организованный террор революционной власти в период гражданской войны, как и белый террор царского правительства и беспощадный террор сил, свергнутых революцией, оттесненных ею на периферию власти и политической жизни, но не желающих с этим смириться, и т.д. — все это дало в XX в. сложные сочетания неоднозначных, изменчивых по своему экономическому, политическому, идеологическому, нравственному значению явлений и процессов. Взаимопроникновение противоположностей, многоплановость взаимодействий, глубокие, разветвленные причины и следствия, — все это заставляет на исходе XX в. переосмыслить понимание права человека на жизнь, по-новому взглянуть на проблему относительности и абсолютности этого основного права. С точки зрения тенденций и уровня мирового развития, становится все более очевидной опасность для общества каких-либо исключений из неотъемлемого права человека на жизнь.

В последние годы жизни, — в период гражданской войны, Кропоткин видел опасность цепной реакции террора и его многообразных последствий. Поддерживая революционное Советское государство и Октябрьскую, как и Февральскую революцию в принципе, революционер-гуманист был против ряда крайностей и жестокостей в политике новой власти по отношению к своим врагам, предупреждал, что лавина жестокости может захлестнуть страну и породить реакцию. Протестуя против института заложников, появившегося в годы гражданской войны, болея за судьбы революции и коммунизма, Кропоткин писал В.И.Ленину в декабре 1920 г.: «Неужели ваши товарищи не сознают, что вы, коммунисты, — какие бы вы ни наделали ошибки, — *работаете для будущего?* и что поэтому вы, ни в каком случае, не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху? — что именно подобные акты, совершённые революционерами в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки». Кропоткин выражал надежду, что коммунисты поставят интересы будущего выше даже личной жизни и заканчивая письмо, писал: «Зачем же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом, от недостатков, которые вовсе не свойственны Социализму и Коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий, неограниченной всепожирающей власти» [30].

Преодолеть порочный круг жестокости, смертной казни, по Кропоткину, можно лишь отказавшись от них и изменив общественную организацию. Существенными моментами общественного переустройства он считал изменение в отношениях собственности, переход от общества с господством частной собственности к обществу с преобладанием общественной (но не государственной) собственности. Как анархист он надеялся и на возможность обойтись без государства, перейдя к общественному самоуправлению, негосударственному федерализму и местной самостоятельности, к преимущественно договорным отношениям на всех уровнях. Несостоятельность государства как социального института Кропоткин видел, в частности, в том, что оно не справляется с взятыми на себя делами, что люди в государственно организованном обществе становятся пассивными, отчуждаются от многих общественных дел. Так, на государство, писал он, возложена «забота о помощи голодающим, забота образования, защиты от врагов и т.д. и т.п.

Ваш сосед может умереть с голоду или заколотить насмерть своих детей, — до вас это не касается: это дело полиции» [31] и т.д. Иначе должно быть в коммунистическом обществе. Не государство, а общество будет обеспечивать там право человека на жизнь. В этом обществе появится возможность нового уровня жизни, откроются неизвестные ранее горизонты свободы и развития личности. Основой «полного развития личности» мыслитель считал, прежде всего, удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека в пище и жилье, упрощение, благодаря достижениям цивилизации, «его борьбы за жизнь, против сил природы», появление достаточного количества свободного времени для самосовершенствования, свободного развития своих способностей.

Одним из элементов движения к будущему обществу он рассматривал изменение всей системы наказания, признание более высшего начала, чем месть и устрашение. «Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она *главный источник, который поддерживает в обществе жестокость нравов*» [32].

Достижение качественно новой стадии общественного развития и общественной самоорганизации он связывал с формированием высокой сознательности членов общества, осознанием ими приоритета социальных интересов и безопасности. Саморегуляция в будущем, по Кропоткину, будет включать и право на самоубийство. Всякий сознательный человек, полагал Кропоткин, если он осознает свою действительную неустранимую опасность для общества, покончит самоубийством [33].

Кропоткин считал, что общество должно направить более сильные страсти, реализующиеся нередко в преступном поведении, в другое направление, как бы интегрировать их с пользой для общества. Важнейшими условиями исправления человека и общества он видел в свободе, взаимной поддержке и братской заботливости членов общества друг о друге. Изменение отношений между трудом и капиталом, здоровое воспитание детей, эффективное их обучение и наукам, и физическому труду, по Кропоткину, прежде всего предрасполагают к честной трудовой жизни и осуществление этого поможет обойтись без тюрем, судей и палачей [34].

Следует отметить, что, разумеется, отрицание и критика смертной казни не является монополией анархизма. Об этом свидетельствовали и широкий состав участников сборника «Против смертной казни», о котором говорилось выше. Можно в дополнение привести и слова К.Маркса из одной его работы января 1853 года, где он, в частности, писал, что «весьма трудно, а может быть, вообще невозможно, найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать справедливость или целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизованностью» [35]. Новое прочтение произведение классиков марксизма предполагает и более внимательное отношение к тем их положениям, которые в силу ряда причин оставались, во многом, в тени, значительно обедняя гуманистический смысл марксизма.

Возвращаясь к Кропоткину, можно сделать следующее заключение из краткого обзора его взглядов на право человека на жизнь. Проблему сохранения человеческой жизни Кропоткин понимал широко, не замыкая ее на отрицании смертной казни и тем не менее именно отмене смертной казни, последовательному, а не конъюнктурному отказу от нее он придавал важное значение. Отказ от смертной казни по мнению мыслителя: 1) повысит ценность человеческой

жизни; 2) будет содействовать общей реформе системы наказания; 3) поможет изменению отношения к заключённым; 4) будет содействовать укреплению общественной нравственности; 5) освободит общественное сознание от ряда предрассудков; 6) в значительной мере подорвет нравственные основы оправдания терроризма; 7) в конечном счете приведёт к сокращению преступности, гуманизации общества и т.д.

Определяя место рассмотренных выше взглядов Кропоткина в эволюции теории анархизма, можно отметить следующее. Кропоткин продолжает и развивает по вопросам преступления и наказания идеи, высказанные в период I Интернационала М.А.Бакуниным, и делает определенный шаг вперед в теории анархизма по проблеме права человека на жизнь. Подходы Кропоткина к этой проблеме исторически предшествовали идеям бессмертия человека и человечества в таких течениях анархизма как биокосмизм и мистический анархизм, не могли не оказать влияние на концепцию анархо-гуманизма А.А.Борового. Позднее, в теории анархизма в 1920-х гг. вопрос о праве человека на жизнь, не без влияния идей Г.Спенсера, П.А.Кропоткина и других мыслителей, разрабатывался А.А.Карелиным. «Право на жизнь, — писал он, — это новое, неизвестное буржуазным государствам право, это — неотъемлемое право человека. Право не быть убиваемым бедностью — нищетой, право не быть убиваемым по воле царей или капиталистов на войне, право не быть убиваемым по приказу должностных лиц, не имеющих ни малейшего понятия о политико-социологическом значении смертной казни, — все это права рабочего социализма и от них не надо отказываться. Иначе мы дадим в руки наших врагов лишний козырь» [36].

В идеях Кропоткина о праве человека на жизнь содержатся черты и реального прогноза, и утопизма. Утопический элемент связан прежде всего с недооценкой им значения государства и законодательства как гибких исторических форм, способных наполняться весьма различным содержанием, еще не исчерпавших, и во многом еще не раскрывших к началу IX в., возможностей в обеспечении права человека на жизнь. В то же время критика государства Кропоткиным фиксирует реальное диалектическое противоречие: государство, способное много сделать для обеспечения права человека на жизнь, в определенных своих формах, при агрессивной и реакционной внешней и внутренней политике, может свести к нулю это основное право человека, поставить цивилизацию на грань самоуничтожения. Разрешение этого диалектического противоречия нам видится в формировании в обозримом будущем правового демократического государства и правового планетарного сообщества возникающей единой космической цивилизации.

Проблемы, связанные с правом человека на жизнь остаются не менее актуальными и в конце XX в. Направления их разрешения, тенденции развития, тем не менее, определились более отчетливо. «Право на жизнь» провозглашено в ст.3 «Всеобщей декларации прав человека», принятой в 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН. Ст.6 «Международного пакта б гражданских и политических правах» также признаёт, что «права на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека». Отмена смертной казни как цели мирового сообщества, зафиксирована и в некоторых других решениях ООН. К 1989 г. 35 стран полностью отменили смертную казнь для всех преступлений, а 18 — за общеуголовные преступления, сохранив либо за воинскими преступлениями, либо на случай войны. Еще 27 стран и территорий практически не применяют смертную казнь не менее десяти лет, то есть

имеет место фактическая отмена смертной казни. В 100 странах и территориях мира, в том числе, в Албании, Алжире, Афганистане, Бирме, Гвинее, Индии, Иране, Китае, США, СССР, Турции, Эфиопии, Японии и других, сохраняется и применяется смертная казнь за общеуголовные преступления [37].

Опрос общественного мнения, проведённый в СССР в 1990 г. показал, что значительная часть населения поддерживает сохранение смертной казни. Так, за немедленную отмену смертной казни высказались 5,3%, политику ее постепенной отмены поддержали 18,7%, 34,1% были за то, чтобы оставить ее применение в нынешних рамках, 28,9% — за расширение применения смертной казни и 13,3% не определили своей позиции [38]. И всё же в нашей стране вновь началось серьезное обсуждение оправданности и целесообразности сохранения такого наказания как смертная казнь. За отмену смертной казни выступали: председатель Комитета конституционного надзора СССР член-корреспондент АН СССР С.С.Алексеев, народные депутаты СССР — лауреат Нобелевской премии академик А.Д.Сахаров, главный редактор «Литературной газеты» Ф.М.Бурлацкий и другие [39]. Многие известные советские юристы высказываются за постепенную, поэтапную отмену смертной казни. Вопросу о сокращении применения и отмене смертной казни поставлены законодательными органами некоторых союзных республик [40].

Общечеловеческая идея отказа от смертной казни завоевывает сторонников и в новых политических партиях, движениях, различной, порой противоположной политической ориентации. К весне 1991 г. требование отмены смертной казни было включено, в частности, в программы (или их проекты) «Народно-трудового Союза российских солидаристов» (1987), «Демократического Союза» (1990), «Партии Мира» (1991), в

проект программы КПСС, составленный рабочей группой «Движения коммунистической инициативы» (1991) [41]. Программы многих новых партий декларируют также приверженность «Всеобщей декларации прав человека» ООН, содержащей право человека на жизнь.

Известно, что и до, и после 1917 г. в нашей стране уже предпринимались попытки отказаться от смертной казни. Врач Л.Н.Толстого, например, записал слова Льва Николаевича 6 мая 1908 г.: «Я всегда гордился тем, что Елизавета Петровна отменила казни» [42]. Смертная казнь дважды отменялась в 1917 г.: в марте 1917 г. (в июле была восстановлена на фронте за воинские преступления) и одним из первых декретов Советской власти, принятом на II Всероссийском съезде Советов (восстановлена в феврале 1918 г.) [43]. Вторая попытка отмены смертной казни в советское время была предпринята в 1947 г., когда она была отменена в мирное время. В Отделе Рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина хранится интересное письмо профессора С.Л.Булатова из Алма-Аты от 23 июля 1947 г. профессору М.Н.Гернету, в своё время бывшего одним из редакторов упоминавшегося выше сборника «Против смертной казни». В связи с отменой смертной казни С.Я.Булатов писал: «Ваше имя и труды мы вспоминали в последнее время на наших собраниях не раз и по другим поводам.

При обсуждении указа 27/V.47 г. об отмене смертной казни приятно и радостно было напомнить ту борьбу, которую Вы вели в течение полувека против смертной казни в любых условиях.

Мне вспоминались Ваши слова, сказанные Вами, когда Вы выступали «против течения» — один против всех: «Может быть, вспомнят, когда-нибудь, что был такой чудак, который всегда был против смертной казни».

Вспомнить пришлось даже раньше, чем можно было думать...» [44]. Однако торжество сторонников отмены смертной казни было недолгим. Уже в 1950 г. смертная казнь была восстановлена и произвольно применена, вопреки общепризнанному правовому принципу «закон обратной силы не имеет», для расправы с репрессированными по «ленинградскому делу». Неоднократная отмена и восстановление смертной казни показывает, что разрешение этой проблемы связано с комплексом общих вопросов о гарантиях права на жизнь и обеспечении определенного уровня развития общества; изолированно, частично, она может быть решена лишь временно, условно.

Мировые и локальные войны XX в., массовые репрессии в отношении граждан в тоталитарных государствах, появление ядерного, биологического, химического и иного оружия массового поражения, сильно обесценили человеческую жизнь [45].

Глубокий кризис, переживаемый нашим обществом, также отрицательно сказался на ценности человеческой жизни. Способствуют этому и десятки тысяч ежегодно совершаемых убийств [46], самоубийств [47], погибших в автомобильных и других катастрофах [48], пропавших без вести [49], значительная детская смертность, гибель на производстве и т.д.

Остановить падение ценности человеческой жизни и радикально изменить отношение к ней можно лишь системой социально-экономических, политических и юридических мер, формированием нового сознания и культуры, благоприятного психологического климата, нравственным и физическим оздоровлением общества. Необходимо последовательное целенаправленное воспитание гуманистических и экологических ценностных ориентиров в общественном сознании.

Право на жизнь как фундаментальное право человека должно иметь разветвленную систему гарантий, в том числе: исключение возможности возникновения мировой войны; предотвращение экологической катастрофы; победа над голодом и бездомностью в масштабах планеты; высокий уровень развития здравоохранения, науки и техники в целом; обеспечение устойчивого экономического развития и процветания общества; возрастание роли международного права и приоритет общечеловеческих ценностей во внутригосударственном праве; формирование информационных, материальных и организационных основ экономического, политического, юридического, духовного единения мира и т.д. Многие из гарантий права человека на жизнь могут быть обеспечены постепенно, лишь объединенными усилиями мирового сообщества. В системе гарантий права на жизнь, думается, определенную роль должно играть сокращение применения смертной казни, а затем и отказ от нее [50]. Это будет содействовать и укреплению иных гарантии права на жизнь, формируя новую гуманистическую традицию в отношении общества и государства к человеческой жизни.

Движение нашего общества к новым нравственно-правовым ценностям неизбежно, но это противоречивый, сложный и длительный процесс. Он обнаруживает преемственную связь с общими тенденциями мирового развития, отмеченными отечественной гуманистической

мыслью уже в конце XIX — начале XX в. Это обстоятельство определяет ценность и необходимость обращения к прогрессивному наследию в истории политической и правовой мысли для изучения современных социальных процессов и формирования новых качеств к ценностных ориентиров общественного сознания.

Примечания

- [1.](#) ЦГАОР СССР, ф.1129 (П.А.Кропоткин), оп.1, ед.хр.614. Л.15.
- [2.](#) В этот год в России было казнено больше, чем в 37 государствах и колониях, вместе взятых (соответственно 1340 и 971 человек) и во много раз больше, чем в европейских странах. См.: *Карелин А.А. Смертная казнь.* Детройт, 1923. С.16. Карелин отмечал, что в 1918 г. «был побит и этот адский рекорд (только с марта по ноябрь по официальным данным было казнено 3360 чел.)...» (там же).
- [3.](#) *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика.* П.; М., 1921. С.45.
- [4.](#) Там же. С.46.
- [5.](#) В.С.Соловьев также писал, что смертная казнь есть убийство и, что она рвёт «связь общечеловеческой солидарности» и «есть принципиальное отрицание нравственного отношения к человеку», являющемуся, по Соловьеву, «носителем образа и подобия Божия». См.: *Соловьев Вл. О смертной казни // Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г.Келиной.* М., 1989. С.178.
- [6.](#) См.: *Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма.* Лондон, 1907. С.14, 19.
- [7.](#) Там же. С.22.
- [8.](#) Там же. С.27. См. также с.26, 29.
- [9.](#) См.: *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика.* П.; М., 1921. С.241.
- [10.](#) См.: *Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах.* СПб., 1906. С.215 и др.
- [11.](#) Там же. С.223.
- [12.](#) См.: Там же. С.229.
- [13.](#) Там же. С.221–222.
- [14.](#) См.: *Кропоткин П.А. Наказание смертной казнью // Смертная казнь: за и против.* М., 1989. С.219.
- [15.](#) ЦГАОР СССР, ф.1129, оп.1, ед.хр.614. Л.2.
- [16.](#) См.: там же. Л.2. У.Звекич и Т.Кубо в обзоре, представленном на международной конференции «Смертная казнь как наказание» (Сиракузы, Италия, 1988) отметили, что «почти три четверти эмпирических исследований констатируют отсутствие достоверной зависимости между смертной казнью и коэффициентом убийств». См.: *Звекич У., Кубо Т. Основные тенденции в исследованиях смертной казни в 1979–1986 гг. // Смертная казнь: за и против.* М., 1989. С.522.

17. См.: *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика*. П.; М., 1921. С.239. См. также: *Смертная казнь: за и против*. М., 1989. С.522 и др.

18. См., например: *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика*. П.; М., 1921. С.239.

19. Там же. С.59. На позициях, близких к взглядам Кропоткина, стоит американский психолог К.Меннингер. Он считает, что институт уголовного наказания должен быть заменён терапевтическими программами реабилитации и восстановления в правах лиц, вовлечённых в преступное поведение. К.Меннингер признаёт большинство нарушителей несчастными, больными и социально не приспособленными людьми, а их преступное поведение — следствием несчастного случая, стресса и т.д. Он отмечает, что главное — не наказание по принципу «око за око», а определение мер, обеспечивающих возвращение человека в общество, на основе глубокого изучения личности преступника, его прошлого, окружения и т.д. См.: *Menniger K. Therapy, not punishment // Philosophy of punishment*. — Buffalo (N.Y.), 1988. P.47–55.

20. ЦГАОР СССР, ф.1129, оп.1, ед.хр.614. Л.2.

21. См.: ЦГАОР СССР, ф.1129, оп.1, ед.хр.690. Л.1–23. Рукопись относится к началу 1900-х гг.

22. *Кропоткин П.А. Наказание смертной казнью // Смертная казнь: за и против*. М., 1989. С.221.

23. Там же. Признавая необходимость «выйти из кровавого круга» террора революционеров и казней, производимых властями, Н.А.Бердяев также отмечал в 1906 г., что революционеры «не первые подняли меч, не «холодно» убивают, не «безоружных убивают»» и что не всякий имеет право их осуждать, «и менее всех, конечно, обогрётная кровью невинных государственная власть» (*Бердяев Н.А. Казнь и убийство // Смертная казнь: за и против*. М., 1919, С.203).

24. См.: *Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма*. 1866–1882. М., 1978. С.23.

25. ЦГАОР СССР, ф.1129, он.2, ед.хр. 47. Л.16.

26. См.: *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика*. П.; М., 1921. С.103.

27. См.: *Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма*. Лондон, 1907. С.41.

28. Речь П.А.Кропоткина на митинге инвалидов // *Русские Ведомости*. 1917. 27 июня. См. также: ЦГАОР СССР, ф.1129, оп.1, ед.хр.390. Л.69 об.

29. *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика*. П.; М., 1921. С.16.

30.

30. *Кропоткин П.А. Письмо В.И.Ленину от 21 декабря 1920 г. // Звезда*. 1930. № 6. С.194. О введении смертной казни как ошибке Советской республики, подрывающей авторитет правительства, уменьшающей число сторонников власти в стране и создающей «лишних врагов ее за границей» писал и А.А.Карелин. См.: *Карелин А. Смертная казнь*. Детройт, 1923. С.42–44.

- [31.](#) Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. Лейпциг; СПб. С.37.
- [32.](#) ЦГАОР СССР, ф.1129, оп.1, ед.хр. 614. Л.3. Эти слова Кропоткина А.А.Карелин вынес на титульный лист своей книжки о смертной казни. См.: Карелин А. Смертная казнь. Детройт, 1923. С.1.
- [33.](#) См.: Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907. С.41. О современных правовых и этических аспектах «права умереть», о праве на лечение и отказе от него, о возникающих проблемах, связанных с созданием аппаратов, искусственно поддерживающих жизнь с их подключением и отключением и т.д. См.: Sloan I.J. The right to die: legal & ethical problems. London, 1988.
- [34.](#) См.: Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906. С.232, 233, 236.
- [35.](#) Маркс К. Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия английского банка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С.530. См. также, например: Мартов Л. Долой смертную казнь! М., 1918.
- [36.](#) Карелин А. Смертная казнь. Детройт, 1923. С.44–45.
- [37.](#) См.: Приложение 15 // Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека / Вступ. ст. Ф.М.Бурлацкого. Предисл. и ред. С.Г.Келиной. М.: Прогресс, 1989. С.403–406.
- [38.](#) Комсомольская правда. 1991. 23 марта.
- [39.](#) См.: Смертная казнь: за и против. М., 1989. С.336–338, 367; Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М., 1989. С.10; Сахаров А.Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М., 1991. С.164–167. Американские исследователи С.Натансон и Д.Раймон, выступающие против смертной казни, рассматривают её отмену как часть цивилизаторской миссии современного государства. См.: Philosophy of punishment. Buffalo (N.Y.), 1988. P.95–140.
- [40.](#) См.: Известия. 1991. 23 марта; Комсомольская правда. 1991. 23 марта.
- [41.](#) См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза (проект) // Воля. Свободное издание. 1991. № 4, июнь. С.4; Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов (Приложение к «Посеву»). Б.г., б.м. С.16; Проект программы партии Демократический Союз... // Новейшие политические партии и течения в СССР (документы и материалы). М., 1991. С.602; Партия Мира. Б.г., б.м. С.1.
- [42.](#) У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого // Литературное наследство. Т.90. В 4 кн. М., 1979. Кн.3. С.80.
- [43.](#) Подробнее см.: Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь: за и против. М., 1989.
- [44.](#) ОР ГБЛ, ф.603 (М.Н.Гернет), карт.9, ед.хр.45, л. 9–9 об.
- [45.](#) 27 млн. граждан СССР погибли в 1941–1945 гг., 6–7 млн. человек умерли от голода в 1932–1933 гг., около миллиона репрессированных были приговорены к расстрелу в 1937–1938 гг., ещё около миллиона умерли при насильственном переселении на восток страны народов Северного Кавказа и Крыма (См.: Медведев Р. Трагическая статистика // Аргументы

и факты. 1989. № 5. С.6). К этому надо добавить огромное количество погибших в сталинских лагерях, в различных войнах, на строительстве каналов, лесоповале и т.д.

[46.](#) В 1989 г. было совершено 21.467 убийств (с покушениями). См.: Известия. 1990. 27 февраля.

[47.](#) В 1985 г. в СССР покончили самоубийством 68.073 чел., в 1986 г. — 52.830 чел., в 1987 г. — 54.105 чел. См.: Огонек. 1989. № 3, С.16.

[48.](#) Только в 1988 г. произошло 22.492 нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших смерть потерпевших. См.: *Илеш А.* Эта статистика открыта впервые // Известия. 1989. 15 февраля.

[49.](#) Например, в 1986 г. число неразысканных людей, из пропавших без вести, по сравнению с 1966 г. увеличилось в 4,5 раза и составило 18,5 тыс. чел. А всего без вести пропавших в 1986 г. числилось 82 тыс. чел. См.: Огонек. 1989. № 19, С.31–32.

[50.](#) В настоящее время в местах лишения свободы в СССР отбывают наказание около 100 тыс. убийц, свыше 450 тыс. преступников, совершивших тяжкие преступления (См.: Социалистическая законность. 1990. № 9. С.49). В этих условиях в назначении смертной казни присутствуют значительные элементы выборочности, субъективности, возможны ошибки. В 1990 г. в СССР исключительная мера наказания назначалась 445 осужденным и была применена к 195 преступникам (См.: *Руднев В.* Вверх по криминальной лестнице // Известия. 1991. 8 апреля.